

А.Б. Карпов

Уральцы. Часть первая
Яицкое войско. Часть вторая

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.Б. Карпов**
Уральцы. Часть первая: Яицкое войско. Часть вторая / А.Б. Карпов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 142 с.

ISBN 978-5-458-25903-3

Исторический очерк.Посвящается памяти Иосифа Игнатъевича Желтанова.От образования войска до перепеси полковника Захарова. (1550-1725 г.г.)Книга из двух частей. Часть 2. Примечания. Приложения.

ISBN 978-5-458-25903-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

натѣмъ этого рода и въ особенности получившіе отъ меня хорошую плату за труды мивувшаго дня возбудили соревнованіе въ другихъ киргизахъ и моя работа пошла какъ нельзя лучше.

Въ этотъ-же день я разрылъ нѣсколько сложенныхъ изъ обожженнаго и нежженнаго кирпича четырехъугольныхъ склеповъ и въ одномъ изъ нихъ нашелъ двѣ гробницы, сдѣланныя изъ большого формата кирпичей, залитыхъ известью; изъ этой же извести выведены весьма отчетливо карнизы и навѣденъ глянecъ. Одинъ изъ склеповъ имѣетъ фундаментъ изъ квадратныхъ плитъ бѣлаго известняка, величиною 5-ть четвертей каждый бокъ и толщиной въ одну четверть аршина.

Жители Сарайчика (или Сарайчиковской крѣпости), узнавшіе, что я за хорошую плату приобрѣтаю все найденное въ развалинахъ, тотчасъ-же взялись за лопаты. Казаки, женщины и даже дѣти рыли, искали и все, попавшееся имъ, приносили ко мнѣ; весь день около меня толпился народъ: одни продавали найденное, а другіе замѣняли свои находки разсказами, изъ которыхъ я упомянулъ слѣдующее: развалины эти изстари называются ими Можары, и прадеды ихъ, первые пришедшіе въ Сарайчикъ, брали изъ этихъ развалинъ кирпичъ и строили изъ него свои дома и службы (надворныя строенія). Кирпичъ этотъ сохранился и до сихъ поръ: у казака Толстова, равно какъ у нѣкоторыхъ другихъ, службы сдѣланы изъ этого кирпича. Потомъ разсказывали, что и прежде, разрывая склепы, находили въ нихъ не однѣ только вещи, но и повѣшенную на шестахъ одежду, разрушившуюся отъ прикосновенія къ ней. Къ вечеру я возвратился въ свою квартиру, гдѣ отчистилъ кое какъ собранныя мною монеты, а съ помощью живущаго въ крѣпости казанскаго татарина Мансурова разбиралъ надписи на нихъ. На одной сторонѣ монетъ есть общая для всѣхъ надпись: чеканена въ Сарайль-Джадитъ (т. е. въ Новомъ-Сараѣ), почему я и далъ названіе это городу, развалины котораго описаны мною. На третій день я отправился съ Мансуровымъ на древнее кладбище, лежащее на югъ отъ развалинъ города, въ разстояніи 200 саж., на берегъ рѣки Сарочинки. Говорятъ, тутъ было много склеповъ, но теперь ихъ смыло водою, кромѣ двухъ, да и этихъ часть обвалилась въ рѣчку Сарочинку, въ берегъ которой видно много череповъ“.

Въ Сарайчиковской-же крѣпости г. Алексѣевъ видѣлъ не менѣе любопытную древность—120-лѣтнюю старуху казачку Толстову, которая разсказывала, что на ея памяти въ Можарахъ послѣ сильныхъ дождей собирали серебряныя и мѣдныя деньги, золотыя и серебряныя колечки съ разными камешками, борки (каменныя ожерелья) и проч.; также на ея памяти брали оттуда для построекъ кирпичи, большіе бѣлые камни и вырывали много огромныхъ кувшиновъ.

На четвертый день, — продолжаетъ г. Алексѣевъ, — я продолжалъ свои розыски. Разрывая бугры, и въ этотъ день нашелъ большое количество денегъ и

вещей, которыми составилъ особое описаніе, а теперь ввлючаю сюда переводъ надписи съ найденнаго мною въ развалинахъ камня синяго мрамора:

„Благороднѣйшіе потомки пророка, люди, путеволившіе въ достиженію совершенства въ настоящемъ мѣрѣ и показавшіе собою примѣръ достиженія жизни будущей: совершенные изъ совершенныхъ, священной фамиліи, чудные нравомъ, величайшіе изъ великихъ, достигшіе славы, ходжи: Камиль-аль Ханъ и Сеидъ-Хасанъ Касавійскіе, свѣтила наукъ и мудрости“.

Къ этой надписи есть слѣдующее примѣчаніе, написанное по татарски:

„Халжа Андони, сынъ Хасана, сынъ ходжи Мухамеда старшаго, сына ходжи Маттани Хокейскаго, сына ходжи Ракпидулла, сына Абу-Мухамеда Джиравійскаго, сына ходжи Сюмина Дежинвійскаго муалина Мухамеда Самганійскаго, Мухамедъ Загита сына, Ахметъ Бавійскаго, сына Исламъ-Гали Мусы Разійскаго, да будетъ надъ всѣми нами благословеніе Божіе“.

На другомъ найденномъ мною камнѣ бѣлаго мрамора можно разобрать слѣдующія имена: „Халжа Камель-хакъ“ и „Сеидъ-Хосанъ изъ Туркестана“.

Вотъ что пишетъ о Сарайчикѣ Палласъ ¹⁾, бывшій тамъ въ 1769 году:

„Валъ съ рвомъ еще виденъ и въ окружности имѣетъ до пяти верстѣ. Онъ начинается при углѣ, который тихо текущая изъ степи рѣчка Сарайчикъ дѣлаетъ съ Яикомъ, около полуторы версты ниже вывѣшняго форпоста ²⁾, потомъ продолжается вверхъ оной рѣчки и вадослѣдокъ, обшелъ форпостъ кривизнами, оканчивается при Яикѣ. Посреди сего мѣста проведенъ сухой ровъ, можетъ быть, для отвода прибывшей воды. Внутри вала находятся основанія и своды каменнаго строенія, и понинѣ можно заключить, что въ городѣ были знатные дома. Употребленные на строеніе кирпичи продолговаты и нарочито велики. Также есть дикой ломанный, съ раковинными отпечатками бурый камень, котораго нигдѣ вокругъ не видно. Нинѣ находятъ только черепья старинной посуды, которая была хорошо муравлена отчасти голубою, бѣлою и желтою краскою. Какъ въ городѣ земля очень солоня и притомъ мокра, то всѣ остатки желѣзныхъ вещей такъ перержавѣли, что едва узвать можно. Мѣдныя почти совсѣмъ превратились въ зръ-мѣдяку, а серебряныя — въ бѣлую, блеска лишившуюся и весьма хрупчую матерію. У живущихъ тамъ казаковъ видѣлъ я провизки разнаго цвѣта и найденные тамъ-же мелкіе гравенные камешки топаза и коронавика. Могилы, коихъ здѣсь очень много, были выкладены кирпичемъ и въ оныхъ иногда находятъ достойныя примѣчанія вещи. Вообще мѣсто сего города, въ разсужденіи болотной и соленой земли и бываемаго весной ванодненія, также несноснаго мученія отъ приносимыхъ съ озера комаровъ, избрано весьма худое, и можетъ

¹⁾ Палласъ — „Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійск. Имперіи“, часть 1-я, стр. 611—612.

²⁾ Сарайчинскій форпостъ.

быть во время истощенной татарской силы заложенъ былъ для безопасности помянутый городъ Сарайчикъ въ столь худомъ мѣстѣ*.

А вотъ описаніе этихъ развалинъ въ томъ видѣ, какъ ихъ нашелъ въ 1861 г. г. Алексѣевъ ¹⁾.

„Развалины эти находятся въ 60 верстахъ отъ Гурьева-городка, и въ 420 отъ города Уральска, на правой сторонѣ р. Урала, на островѣ, между р. Ураломъ и рукавомъ Сарачинки, полъ 69 20 восточной долготы и 47 30 сѣверной широты. Длина города Сарай-Джавтъ 1 верста 100 саж., а ширина 1 верста 50 саж., все это пространство было обнесено землянымъ валомъ, который и теперь хорошо виденъ: вся окружность этого вала 3 версты 350 сажень. Въ западной части развалинъ города есть цитадель, стѣны которой гораздо выше описаннаго вала: фигуру цитадели имѣетъ неправильную, длина ея 200 саж., а ширина 100 саж.

Внутри цитадели есть признаки развалившихся построекъ и склеповъ, которые, какъ видно, были сдѣланы изъ хорошаго жженого кирпича и изразца; изъ склеповъ сохранился только одинъ, который называется ханской могилой; внутренность его похожа на кибитку, имѣетъ одну дверь съ восточной стороны и три окна въ сводахъ: на сѣверной, западной и южной сторонахъ, внутри есть гробницы, сдѣланныя изъ кирпича и имѣющія шесть вмѣстѣ: два большихъ и 4 маленькихъ, такъ что можно полагать тутъ похороненнымъ цѣлое семейство. Подобныхъ еще два склепа есть въ восточной части города, въ одномъ изъ нихъ, который я разрылъ, были двѣ большія гробницы, сложенныя тоже изъ кирпича и залитыя известью, изъ алебаstra, на нихъ выведены карнизы, покрытые глянцемъ синяго цвѣта; длина этихъ гробницъ 1½ арш., ширина въ изголовьѣ 3 четверти, въ ногахъ 2 чет., обращены онѣ съ ю.-в. на с.-з. Когда я вскрылъ эти гробницы, бывшія кости покойниковъ уже совершенно истлѣли, склепъ этотъ былъ четырехугольный изъ кирпича-же, фундаментъ его сдѣланъ изъ большихъ известковыхъ квадратныхъ камней, толщиной въ 1 чет. По Уралу такихъ камней нѣтъ, кромѣ какъ только около Оренбурга, въ Гребенской горѣ. Въ развалинъ города 200 сажень отъ югозападнаго угла вала, на берегу р. Сорочинки, было большое кладбище, современное этому городу, со множествомъ склеповъ, которые, кромѣ одного, все, по словамъ Сарайчиковскихъ жителей, обвалились въ р. Сарачинку мѣстѣ съ яромъ, во время весенняго разлива Урала. Нынѣ, когда я осматривалъ это кладбище, въ яру такъ много торчало череповъ (издали похожихъ на грибы), что я насчиталъ ихъ до 60. По распоряженію покойнаго Джангиръ-хана (ханъ Букеевской орды), клад-

¹⁾ „Урал. В. Вѣд.“ 1867 г. № 30.

бище это загорожено деревянной оградой. Склепы въ цитадели и одна склепъ въ городѣ считаются торгующими здѣсь мусульманами за святыя (Аулье), равно и киргизами, тѣ и другіе въ загородномъ кладбищѣ хоронятъ тѣла умершихъ. Больные отъ продолжительныхъ болѣзней, мужчины и женщины (особенно киргизы), прѣзжаютъ сюда на нѣсколько дней и поклоняются этому кладбищу, прося объ исцѣленіи. Строенія въ городѣ Сарайль-Джадять, какъ видно по обломкамъ, валяющимся въ развалинахъ его, были изъ кирпича, изразца и частью изъ мрамора. Одинъ кирпичъ форму имѣетъ квадратную въ $1\frac{1}{2}$ четв. каждый бокъ, а другой продолговатый, у котораго одинъ бокъ $1\frac{1}{2}$ четв., а другой $2\frac{1}{2}$ чет.; форма изразцовъ продолговатая съ эмалью и безъ эмали, одного какого нибудь цвѣта: синяго или зеленаго или съ разными рисунками, прочно наложенными. Вообще въ развалинахъ сихъ мною найдено: мраморный косякъ отъ окна или двери, въ 9 пуд. вѣса, хорошо огравенный; осколки разной фарфоровой, мраморной, стеклянной и глиняной посуды, 3 цѣльные древніе глиняные кувшина, разныхъ формъ, ханхуль-очаръ, по словамъ калмыкъ, слитый изъ мѣди, части серебра и золота. Во время богослуженія калмыцкій гиллюнь ¹⁾ беретъ очаръ въ правую руку и обводитъ имъ въ воздухѣ кругъ, въ лѣвой рукѣ держитъ колокольчикъ, которымъ звонитъ въ это время. Два нагробныхъ камня чернаго и бѣлаго мрамора, съ арабскими надписями именъ похороненныхъ; разные цѣнные камни, служившіе украшеніемъ, заключающіеся въ боркахъ (ожерельяхъ), серьгахъ и перстняхъ, именно: 2 коралла, 2 сапфира, 1 изумрудъ, 2 бирюзы, 1 аметистъ, 1 жемчужина, янтарь, сердоликъ, топазъ, разныхъ формъ стеклянные бусы, борки съ разными рисунками, часть золотого перстня съ бирюзовымъ вставкомъ и золотая пуговица, потомъ деньги съ арабскими надписями: 9 серебряныхъ монетъ и 36 мѣдныхъ (съ надписью: мѣсто чекана, имя хана и годъ); 18 штукъ мѣдныхъ денегъ съ монгольской надписью; самой старой изъ найденныхъ монетъ 417 лѣтъ. Всѣ вышеописанныя вещи найдены въ самыхъ развалинахъ города, а такъ какъ онъ построенъ на солонцовомъ грунтѣ, то всѣ вещи сильно подпорчены, кромѣ золота, камней и стекла. Мѣдныхъ монетъ изъ найденныхъ много привелось бросить по негодности, а также и часть серебряныхъ“.

[2].

Вотъ что пишетъ объ этихъ колодцахъ на Усть-Уртѣ К. Амичкинъ, бывший тамъ съ командою уральскъ казакъ въ 1868 г. („Ур Вѣстк. Вѣд.“ 1868 г. № 17).

„Кстати о колодцахъ. Удивительное это дѣло, Усть-Уртскіе колодцы! Нѣтъ сомнѣнія, что они сдѣланы народомъ, болѣе просвѣщеннымъ, чѣмъ настоящіе ихъ жалкіе владѣльцы-киргизы. По устройству ихъ несомнѣнно видно, что ихъ работавъ буравъ, а не лопата. Скорѣе всего, что это дѣло народовъ монгольскаго племени или есля и другого, то усвоившаго китайское образованіе.“

¹⁾ т. е. калмыцкій поцъ, какъ у насъ говорятъ казаки.

Мнѣ помнится, я гдѣ то читалъ, что первая выдумка бурава, посредствомъ коего просверливаютъ артезіанскіе колодцы, принадлежитъ китайцамъ.

Устройство колодцевъ довольно замысловато: по самой поверхности земли идетъ кругъ самой точной циркулярной правильности; кругъ этотъ, вмѣющій въ діаметръ сажени полторы, идетъ въ землѣ правильнымъ цилиндромъ до глубины сажень на 10, иногда и болѣе, потомъ, немного суживаясь, идетъ снова въ глубь на такое-же разстояніе, или болѣе, до самой воды. Но что придумано умно, такъ это, что колодець прикрывается одною только плитою, на которой просверлено отверстіе такой величины, что въ него можетъ проходить одна кова, что немного болѣе нашей бадьи. Съ перваго раза не замѣчаешь въ этомъ простомъ устройствѣ глубокой мысли, но, поблудавшись, видишь въ немъ эту затаенную мысль: въ такое узкое отверстіе не можетъ попасть скотина, а во вторыхъ такіе колодцы незамѣтны для постороннихъ, враждебныхъ людей, которые при случаѣ могли-бы ими воспользоваться, овладѣть иѣстомъ и вытравить кормъ.

У каждаго колодца имѣется непремѣнно колода, высѣченная изъ камня, для водопоя скота. Вода колодцевъ 2-хъ свойствъ: прѣсная и солоно-горькая; въ общей скудности нашей ея было почти недостаточно на нашу коловну, состоявшую изъ 100 человекъ съ лошадьми и верблюдами, но это было потому, что колодцы были засорены, одни отъ долгой нерасчистки, другіе съ намѣреніемъ, ибо изъ крановъ, въ которые должна сочиться вода, нрѣдко приводилось вытаскивать по вѣсольку колышковъ, воткнутыхъ въ просочивы для задержки воды"... Это было сдѣлано, какъ видно далѣе изъ его статьи, туркменами, чтобы помѣшать проходу отряда въ глубь степи.

[3].

Надо замѣтить, что это преданіе Витевскій напечаталъ спустя много лѣтъ послѣ того, какъ были напечатаны талантливые очерки І. И. Желѣзнова и гдѣ Рыжечка изображенъ, какъ герой Полтавской битвы. Въ другомъ самостоятельномъ разказѣ І. Желѣзнова „Видѣніе“ разсказывается о перенесеніи Бирсановскаго городка (а не мифическаго „Горячаго“) на устьѣ Чагана, какъ о событіи, бывшемъ далеко ранѣе подвиговъ Рыжечки. Существованіе Бирсановскаго городка, какъ увидимъ далѣе, тоже подтверждается данными изъ переноса Захарова.

Витевскій, составляя свой очеркъ „Яицкое войско до Пугачева“, не могъ не знать объ этихъ статьяхъ Желѣзнова, тѣмъ болѣе что весь черновой матеріалъ, всѣ рукописи Желѣзнова послѣ его смерти находились въ рукахъ Витевскаго вѣскольво лѣтъ и лишь съ большимъ трудомъ удалось ихъ взять у него обратно.

Записывая преданіе „уважаемаго“ и „почтеннаго“ С—ва, Витевскій невѣдомо по какимъ причинамъ совершенно игнорировалъ болѣе правдивые и болѣе талантливые разказы Желѣзнова, даже и не упомянувъ объ нихъ, тогда какъ въ своемъ очеркѣ „Яицкое войско до Пуг.“ и „Расколъ въ Уральскомъ войскѣ“

онъ пользовался все время трудами Г. Желѣзнова и опять таки почти не упоминая о немъ, а ссылаясь на дѣло Войск. Архива, то на № 76, то на № 85, иначе говоря, именно на соч. Желѣзнова и его неизданные рукописи и матерьялы, которые подъ этими №№ числятся въ Войск. Архивѣ. Между дѣломъ Войскового Арх. за такимъ то номеромъ и сочиненіями извѣстнаго писателя, котораго знало все войско, существуетъ громадная разница и потому не можетъ быть мѣста ссылки на №№ архивнаго дѣла тамъ, гдѣ взято чужое сочиненіе или матерьялы.

Можно заключить только, что передававшій Витевскому преданіе о Рыжечкѣ и о видѣвнй урядникъ С—евъ былъ или слишкомъ старъ, т. е. перепуталъ двѣ совершенно различныя и по времени происшествій и по содержанію, прочитанныя имъ у Г. Желѣзнова статьи о Рыжечкѣ и Видѣвнй, соединивъ ихъ въ одинъ безсвязный рассказъ, или же былъ большой балагуръ, желавшій подшутить надъ Витевскимъ. Во всякомъ случаѣ, повѣривъ на честное слово „почтенному“ С—ву, онъ на такомъ-же условіи передалъ это замѣчательное преданіе и своимъ читателямъ.

[4].

Вотъ какъ описывается въ этомъ чертежѣ р. Яикъ и его притоки: 1).

„Рѣка *Яикъ* вытекла поровень съ *Аралтовою* горою (*Аралъ-тау*) 2) противу верховья *Табалы* рѣки (верховья р. *Тобола*). Отъ *Великія Тюмени* (назв. *Вел. Тюм. Спасскій* объяснить затрудняется), рѣка *Яикъ* вытекла за 250 версть.

А въ *Россошахъ* рѣки *Яика* прошли озера: изъ *Россошей* потекла рѣка *Яикъ* въ *Хвалимское* море; а протоку *Яику* до моря 1050 версть. А отъ верку рѣки *Яика* впала въ *Яикъ* рѣка *Юрюкъ-Самаръ* по нашему *Рызвая*: протоку 350 версть, пала въ *Яикъ* противу *Аралтовы* горы съ правыя страны.

Съ правыя же страны, ниже *Юрюкъ-Сакмара* рѣки, пала въ *Яикъ* *Трюмъ-Сакмаръ* рѣка: протоку *Трюмуна Сакмара* 100 версть. А ниже 60 версть пала въ *Яикъ* *Салмышъ-Сакмаръ* рѣка.

А ниже *Салмышъ Сакмары* рѣки 100 версть пала въ *Яикъ* *Дюдмила* рѣка; а ниже 50 версть другая *Дюдмила* рѣка.

А ниже 60 версть третья *Дюдмила* рѣка: верхняго *Дюдмила* протоку 70 версть, а нижняго *Дюдмила* протоку 190 версть. А ниже *Дюдмила* 30 версть пала въ *Яикъ* рѣчка; а ниже тое рѣчки пала двѣ рѣчки, всѣ три однимъ прозваніемъ *Ишуклы*. А ниже тѣхъ рѣчекъ 30 версть пала въ *Яикъ* три рѣчки однимъ прозваніемъ всѣ три *Дучасъ*.

1) Г. И. Спасскій. „Книга Глаголемая Большой чертежъ“, Москва 1846 г. Изд. Имп. Общ. ист. и дрѣв. российскыхъ, стр. 67 - 72.

2) Названія мѣстностей въ скобкахъ служатъ разъясненіемъ старинныхъ названій „Большого Чертежа“ и отдѣланы Г. И. Спасскимъ въ его надписи 1846 г. въ отдѣльныхъ выноскахъ, но которыя я вставляю для удобства въ самый текстъ, эти объясненія пишутся у Спасскаго не вслѣдъ.

А противъ тѣхъ рѣкъ, съ лѣвныя страны Яика, пала въ *Яикъ Излъ* рѣка.

А выше *Излъ* рѣки конецъ *Аралтовы* горы, пала въ *Яикъ* рѣка *Воръ* (вѣроятно р. Оръ) изъ горы *Урюка*; изъ тоежъ горы вытекла рѣка *Ирызъ* и пала въ озеро *Акбашлы* (озеро *Аксакаль-барби*)...

А съ лѣвныя страны, ниже *Вора* рѣки 420 верстъ, пали въ *Яикъ* три рѣчки безъ прозванія, а межъ ними по *Яику* берегомъ 90 верстъ.

А ниже тѣхъ рѣчекъ 50 верстъ пала въ *Яикъ* съ лѣвныя страны *Яика* *Илезъ* рѣка (рѣка *Илекъ*), ниже горы *Тустеби*, по нашему та гора *Соленая*: ломають въ ней соль.

А на устьи тое рѣки островъ *Кошъ-Яикъ*. А промежъ тѣхъ протоковъ и рѣки Яика, на острову *Казачій городокъ*.

А *Илезъ* рѣка вытекла за горою *Урукъ*, а верховьемъ взялася та рѣка съ рѣкою *Темиромъ*: вытекла тремя протоки.

А въ *Илезъ-рѣку* за 60 верстъ отъ устья, съ лѣвныя страны пала *Сунгурмукъ* рѣка; а противъ горы *Тустебе* выше *Сунгурлака* вытекла рѣка *Оиль* (*Уиль*), и пала *Оиль* рѣка, не дошедъ до рѣки *Яика* въ землю; а на устьѣ тое рѣки около 8 озеръ *Картоль*, по нашему *Черныя озеро*.

А промежъ рѣки *Сунгурмука* и *Оиля* рѣки пали двѣ рѣки въ землю: рѣка *Аспага* и рѣка *Кууей*.

А тѣ обѣ рѣки вытекли изъ горы, а горѣ названія не описано, а по той горѣ лѣсъ.

А противъ *Оиля* рѣки 30 верстъ отъ *Яика*, гора *Индеръ* и подъ тою горою озеро, а въ немъ соль, какъ ледъ (*Индерское озеро*).

А противъ тое горы на рѣкѣ *Яикѣ*, съ лѣвныя страны, лѣсъ.

А отъ той горы, внизъ рѣкою *Яикомъ* до *Баксана* (правнй рукавъ рѣки *Урала* *Баксай*) протоку 50 верстъ, а *Баксана* протокъ 60 верстъ.

Да изъ *Яика* же рѣки, съ лѣвныя страны, выше *Сорочика* острова 25 верстъ, потекъ въ море протокъ *Саваилы*: протоку его до моря 70 верстъ.

А моремъ отъ усть *Яика* до усть того протоку 25 верстъ*.

[5].

Прозвища *Шатала*, *Пыжала*, *Кладъ* и *Бирючьихъ Лапъ* въ переписи *Захарова* не встрѣчаются, т. е., вѣроятно, при переписи они были замѣнены фамиліями, а прозвища остались жить въ обычной жизни. Эти прозвища, какъ фамиліи, встрѣчаются въ архивныхъ дѣлахъ войска только съ 1730 хъ годовъ; подписи *Шатало* и *Пыжала* имѣются въ контрактѣ объ учугахъ, заключенномъ войскомъ въ 1752 году (*Дѣло Войск. Арх. III раз. № 4*). Оба числятся сотниками первый „*Иванъ Михайловъ сынъ Шатала*“, другой „*Иванъ Дмитріевъ сынъ Пыжало*“, оба неграмотны и за нихъ подписался другой. Фамилія *Бирючьихъ Лапъ* имѣется въ дѣлѣ *Войск. Арх. III раз., № 76*, стр. 59, подъ челобитной 1772 г., гдѣ онъ названъ

войсковымъ есауломъ „Петръ Вирючьихъ Лапъ“, не грамотевъ, за него подписался другой.

Въ диптихѣ Михайло-Архангельскаго собора имѣются фамиліи „Вирючьихъ Шляхъ“. Всѣ эти фамиліи теперь въ войскѣ не существуютъ, вѣроятно, постепенно замѣнявшіеся другими, такъ, напр., есть Вирюковы.

[6].

Современный списокъ написанъ столбцомъ на 28 листахъ, изъ которыхъ многіе отклеились и нѣсколько утрачено. Вѣтъхъ. По обоимъ краямъ столбца, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ гнилости слова совсѣмъ слияли или вырваны. Сбѣры и подписей нѣтъ.

[7].

Палласъ, посѣтившій это городище въ 1769 г., пишетъ объ немъ слѣдующее (стр. 604—605):

„Находящаяся при Кулагинѣ древность изъ средней Россійской исторіи особливо достойна примѣчанія, а именно тамъ есть зватый шанецъ, который извѣстенъ Яицкимъ казакамъ подъ именемъ Маринкина городка; но она не знаетъ больше никакого о томъ извѣстія, какъ только сіе, что Маринка была такая женщина, которая въ прежнія времена ходила на разбой изъ оного городка. За вѣроятное почестъ можно, что сіе укрѣпленіе и проименовано по Маринѣ Сендомирской супругѣ ложнаго Дмитрія. Маринкинъ городокъ находится по сію сторону Кулагиной крѣпости, полторы версты отъ оной на высокомъ степномъ мѣстѣ при буеракѣ, въ которомъ рѣка Яикъ, какъ сказываютъ прежде имѣла свое теченіе, но нынѣ она отдалилась на полверсты отъ оного мѣста. Шанецъ имѣетъ видъ прямого угла съ кривыми сторонами, которыя кончаются при появленіи буеракѣ. Разстояніе между концами шанца считается 335 шаговъ, а отъ угла прямо къ буераку не много больше половины. Къ оному видны три проѣзда, а именно самой большой въ западную сторону въ калмыцкой степи, и два малые отъ сторонъ шанца къ юго-западу и къ сѣверовостоку. Внутри шанца находятся земляныя бучи, происшедшія отъ подземныхъ жилищъ, которыя, по объявленію казаковъ, прежде тамъ были“.

[8].

Грязнаго озера въ настоящее время не существуетъ. Рычковъ такъ описываетъ это озеро (Топогр. Оренб. губ., стр. 154). „Грязное, за рѣкою Яикомъ, отъ Яицкаго казачьяго городка 270, а отъ рѣки Яика 107 версты. Окружность оного сочиняетъ 5 версты девяносто сажень, на немъ въ жаркіе дни садится соли множество, которую яицкіе казаки добываютъ и на свои расходы употребляютъ, но въ дождливую погоду всю ту соль разливаетъ и претворяетъ въ тузлукъ“ (т. е. соляной растворъ).

[9].

Денежныя единицы того времени были слѣдующія: Московскій рубль дѣлился

на 200 *денегъ*, т. е. каждая *денга* равнялась нынѣшней полкопѣйкѣ (полушкѣ). *Гриона* равнялась 20 деньгамъ или (позднѣе) 10 копѣйкамъ. *Алтынъ* — старинный русскій монетный счетъ, названіе котораго получилось отъ татарскаго слова алтынъ (шесть) и равнялся при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ 6 деньгамъ. Эта монета до Петра I вовсе не чеканилась, а употреблялась только для счета. При Петрѣ начали было чеканить серебряныя алтыны, но скоро ихъ уничтожили и даже запретили считать на алтыны.

Относительно старинныхъ названій мѣръ и вѣса и другихъ древнихъ и вышедшихъ уже изъ употребленія словъ, но которые будутъ попадаться часто въ слѣдующихъ главахъ очерка, объясненіе даетъ *Ив. Ст. Бѣляевъ* въ своей книгѣ: „Практическій курсъ изученія древней русской скорописи“, стр. 27 и 28.

„Земля считалась, — говоритъ Бѣляевъ, — не десятинами, а четвертями или „четьми“. *Четь* свое названіе получила, вѣроятно, отъ того количества зеренъ, которое высѣвалось на извѣстное пространство земли, отъ того размѣра засѣва ржи, которой хватало при разбрасываніи на приготовленную запашку. Обмѣренная четь земли большею частію равнялась нашей полудесятинѣ или 1200 квадр. сажень. Такъ система хлѣбопашества была преимущественно трехпольная, т. е. одна часть земли отводилась подъ озимь, другая въ ярь и, наковецъ, третья подъ паръ, то это трехполье обозначалось выраженіемъ: „*въ полъ, а въ дву потому жъ*“. Если, положимъ, написано: „50 чети въ полъ, а въ дву потому жъ“, это значило, что въ каждомъ изъ трехъ полей было по 50 чети, слѣдовательно всего, всей площади земли, надо считать 150 чети, а такъ какъ въ каждой четверти, какъ мы сказали, было по полудесятинѣ, то это равняется 75-ти нашимъ десятинамъ. Сѣнная, или луговая площадь, обыкновенно обозначалась „копнами“, которыхъ въ одной десятинѣ считалось десять.

Теперешняго изображенія частей цѣлаго дробями не было, а онѣ показывались слѣдующимъ образомъ. Половина „чети“ земли, равняющаяся 600 квадратнымъ саженьмъ, называлась „осминою“. Затѣмъ, чтобы выразить дальнѣйшія четвертую, восьмую, шестнадцатую, тридцать вторую часть „чети“ и т. д. употреблялось слово „пол“. „*Полосмины*“ равнялось $\frac{1}{4}$, *пол пол осмины* = $\frac{1}{8}$, *пол пол пол осмины* = $\frac{1}{16}$ чети и т. д. Третья часть „чети“ называлась „третникомъ“, для всякаго уменьшенія третьихъ долей опять употреблялось „пол“, такъ: *пол третника* равнялось $\frac{1}{6}$; *пол пол третника* = $\frac{1}{12}$, *пол пол пол третника* = $\frac{1}{24}$, *пол пол пол пол третника* = $\frac{1}{48}$ и пр. „*Полтора*“ значило половину отнять отъ второй единицы, оставляя первую цѣлой; на этомъ основаніи „*полтретья*“ значило отъ третьей единицы числа трехъ отнять половину и прибавить къ двумъ цѣлымъ, что равнялось $2\frac{1}{2}$. Въ древнемъ письмѣ эти „пол“ встрѣчаются нерѣдко, указывая даже двухзначныя числа „*полчетырнадцаты*“ = $13\frac{1}{2}$, „*полсемнадцаты*“ = $16\frac{1}{2}$, „*пол-*

шестадцати"=55. Мѣры земли больше чети назывались „вытями“, „сохами“ и „сошками“, а самый процессъ ихъ измѣренія — „четвертнымъ“, „вытнымъ“ и „сошнымъ“ — письмомъ. Мѣсто, гдѣ происходилъ сборъ сѣна, носило имя „пожни“. Берегъ рѣвки, выдавшійся и обильный иломъ, взятый подъ запашку, назывался „наволокомъ“, рѣже это слово выражало новый поселокъ. Крестьяне, пахавшіе землю на себя и на другое болѣе сильное лицо съ половиною сбора хлѣба, были извѣстны подъ именемъ „половниковъ“, неполноправные же крестьяне обозначались „захребетниками“ и „подсосѣдниками“; государевы крестьяне, не помѣщичьи, были „черные“ и „тяглые“; „раменьемъ“ назывался не крупный лѣсъ, выросшій на прежней запашкѣ, „иртънь“ — приборъ для варки соли; „бортъ“ — колода, или дупло дерева, въ которыхъ жили пчелы; „юны“ — мѣста для ловли бобровъ; „тѣзъ“ — запруда на рѣкѣ для ловли рыбы; „мыто“ — пошлины; „сеунчъ“ — служилый человѣкъ, посланный съ какимъ-нибудь порученіемъ; „языкъ“ — плѣнникъ; „ясырь“ — ивородецъ, взятый въ залогъ или рабство; „ясакъ“ — подать. „Нѣтчиками“ именовались воинскіе люди, не явившіеся къ походу въ свою часть; противъ ихъ именъ въ спискахъ ставилась отмѣтка: „нѣтъ“, прибывшіе же показывались въ „естехъ“.

Добавимъ отъ себя, что поручикъ значитъ поручитель, дослуса — свидѣтели; гривенка — вѣсъ почти равный нашему фунту.

[10].

Изъ этого акта видно, что яицкіе казаки были подъ Смоленскомъ еще раньше съ княземъ Черкасскимъ въ 1614—15 годахъ (Соловьевъ Ист. Рос., т. 9, стр. 41), когда князь Черкасскій съ княземъ Троеурковымъ осаждали этотъ городъ, но безуспѣшно. Безусловно съ ними были тѣ казаки, которые находились въ Москвѣ вмѣстѣ съ русскимъ ополченіемъ Пожарскаго и по освобожденіи Москвы пошли частію по Волгѣ съ воеводою Олоевскимъ на Заруцкаго, частію же на Смоленскъ съ Черкасскимъ. Но объ обоихъ этихъ службахъ не имѣется никакихъ подробностей.

[11].

Палласъ о р. Рубежной пишетъ слѣдующее: „Рубежна, при которой мы переночевали, получила свое имя, какъ увѣряетъ преданіе яицкихъ казаковъ, отъ того, что сія рѣка была границею (рубежъ) паствъ и рыбной ловли между отдѣлившихся яицкихъ козаковъ: ибо одна часть оныхъ имѣла жилище на Кирсановскомъ яру, другая же поселилась на 90 верстъ далѣ нынѣшняго мѣста, куда такъ-же послѣ того, находившаяся на ономъ яру, деревянная церковь перенесена была, которая отъ того и по нынѣ зовется Кирсановскою. Можно такъ-же еще и нынѣ видѣть съ высокаго угорка (бугорка?), который между такъ называемою Кирсановскою старицею и нынѣшнимъ къ сѣверу кривопроеденнымъ каналомъ Яика, прежнее мѣсто церкви въ серединѣ выкопаннаго тамъ малаго вала, который отсѣкаетъ южный конецъ угорка углообразно“. (Палласъ, часть 3-я, томъ 2, стр. 90—91).